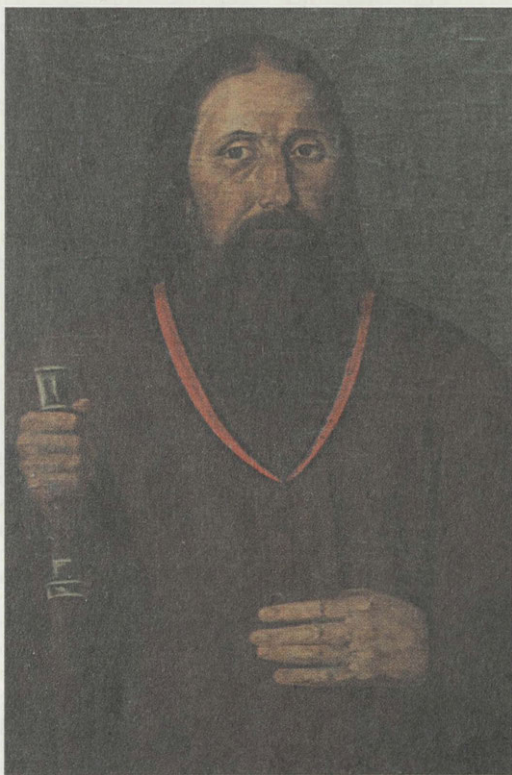

«Я БЫЛ СЕГО СВИДЕТЕЛЕМ...»

МЕМОАРЫ СВЯЩЕННИКА НИКИФОРА МУРЗАКЕВИЧА,
ПЕРВОГО СВИДЕТЕЛЯ ОККУПАЦИИ СМОЛЕНСКА В 1812 ГОДУ

Елена Ефремова

Священник Никифор Мурзакевич. XIX в. Смоленск.
Портрет первого историка Смоленска
написан местным художником
по случаю награждения его наперсным крестом
на Владимирской ленте за участие в событиях 1812 г.

Князь В. В. Голицын, фаворит царевны Софьи, возвратившись из второго Крымского похода в 1689 году, привез с собой в Москву взятого в плен мальчика по имени Мурза. Вскоре он стал крестником Софьи Алексеевны и Василия Васильевича и наречен Василием. Но за ним сохранилось и старое прозвище — «Мурзин».

Волею судьбы Мурзин оказался в Смоленске, где в «числе служивых людей разных чинов» находился при «государевом дворе» возле Ильинской церкви. Его сын, Андриан Васильевич Мурзакевич, служил священником при Смоленском кафедральном соборе и прославился как искусный проповедник. Пробовал он себя и как прозаик, и как поэт. Так, при встрече Екатерины II в 1780 году семинаристы в мантиях и с венками на головах пели гимн, составленный и положенный на ноты отцом Андрианом.

2 июня 1769 года у Андриана Васильевича родился сын Никифор, которому суждено было прославиться и остаться в памяти жителей Смоленска. Книжная атмосфера, царившая в доме, отразилась на детских вкусах и наклонностях мальчика. Любознательность и любовь к книгам уже тогда выделяли Никифора среди его сверстников. В десятилетнем возрасте он поступил в духовную семинарию, но так и не закончил ее по причине смерти отца. По просьбе матери в 1783 году юноша был определен псаломщиком, позднее «во внимание к заслугам отца и за ревностное исполнение своих обязанностей» был посвящен в дьяконы при кафедральном собо-

ре. В 1792 году Мурзакевич женился на Анне Ивановне Солнцева, дочери вяземского соборного священника, но, не получив обещанного приданого, терпел большую нужду.

Имея доступ к прекрасной библиотеке архиепископа Парфения через его племянника, Никифор все свое свободное время проводил за чтением книг и старых рукописей. Особенно привлекали его исторические произведения. А купленная им рукописная «История Смоленска» 1780 года, изложенная иеромонахом Шупинским к приезду в город Екатерины II, навела Мурзакевича на мысль составить более подробную историю города Смоленска с древнейших времен. Он обратился за помощью к светскому и духовному начальству, и ему бы-

ло дозволено работать в гражданском и консисторском архивах. Составление «Истории» заняло у Мурзакевича пять лет — с 1798 по 1803 годы. С утра до позднего вечера с небольшими перерывами работал Никифор Андрианович над своей книгой, доводя себя до полного изнурения. «Много раз я падал со скамьи от изнеможения сил, но не падал духом», — впоследствии вспоминал он. По написании рукописи Мурзакевич обратился к преосвященному Димитрию с просьбой помочь ему в издании книги, но получил отказ с упреком на то, что занимается не своим делом. Так бы его труды остались никем не замечены, если бы не дошли о них сведения через губернских чиновников до военного генерал-губернатора графа С. С. Апраксина. Ознакомившись с рукописью, генерал-губернатор остался доволен трудом Мурза-

кевича, приказал на собственные деньги печатать в губернской типографии 600 экземпляров и практически весь тираж передал автору. Изданию помогал и гражданский губернатор Д. Я. Гедеонов. Так в 1804 году вышла в свет «История губернского города Смоленска с древнейших времен».

Популярность работы оказалась столь велика, что вскоре автору пришлось приступить ко второму изданию, которое содержало некоторые дополнения. Успех превысил все ожидания. Книга была замечена самим императором. Александр I, ознакомившись с работой, повелел выдать Мурзакевичу в награду 500 рублей.

Ценность этой работы в дальнейшем еще возросла, поскольку смоленские архивы погибли в 1812 году.

Став в 1804 году священником Одигитриевского храма «в награду за столь полезный труд, обративший на себя внимание граждан города», Никифор Андрианович занялся переводом свода четырех Евангелистов со славянского на русский язык с объяснительными примечаниями. По окончании, в 1812 году, представил его на рассмотрение в Святейший Синод. Но оттуда не последовало никакого распоряжения, и рукопись была сдана в архив.

В марте 1812 года Анна Ивановна Мурзакевич умерла от чахотки, оставив на попечение мужа семерых детей. Впоследствии старший сын вспоминал: «... Мы видели большую перемену в нашем отце: он сделался задумчивым и строг к нам, когда при жизни мы видели его всегда веселым и заступником перед нашей любимой матушкой, которая была первою попечительницею и вместе за шалости взыскивала с нас строго. Итак, 1812 год, памятный для всех, и нам оставил горестные напоминания».

Когда началось вторжение войск Наполеона, Мурзакевич не успел вывезти свое многочисленное семейство из города. Купленная лошадь была украдена со двора ночью, в разгар бегства жителей из Смоленска. Таким образом, Никифор Андрианович поневоле остался в городе и стал очевидцем всех последующих трагических событий. Свои наблюдения он записывал в дневник, ставший драгоценным подарком для историков.

«Август, 4. ...В 8 часов утра подошли к городу французы, а к 9 часам сам Наполеон, имевший ночлег на архиерейской даче, зовомой «Новый двор». Французы стали из-за Солдатской слободы и соляного каменного амбара приступать к «Королевской крепости». Польские уланы от оврага у Свирской церкви лезли в ров, что вокруг каменной крепостной стены. На «Королевской крепости» или бастионе командовал генерал Паскевич. В 10 часов началась жестокая пальба; поляки отодвинулись. Жители, не успевшие убежать из города по бедности, укрылись от пуль и ядер в Успенском соборе, со всей их худобой. Князь Багратион с полудня и до вечера пробыл на Молоховских воротах, при-

крытых земляным валом с мостом, наблюдая неприятеля в зрительную трубу. Наполеон развезжал на белом коне по рядам своей армии, и едва ускользнул от засевших наших стрелков в кустарниках оврага «Чертова рва», что за Авраамьевскою башнею. Французы после этого заняли «Офицерскую слободу». Генерал Коновницын развезжал по войску. Стрелки наши и ратники с городской стены бросали во французских стрелков, вскакивавших в крепостные рвы, камни. В Никольских воротах, что у Офицерской слободы, стоял полк, который не пускал врагов ворваться в город: стрелки во рву и ратники со стены не могли по ним стрелять; сокрытые по стенным муркам, прорывавшихся в город удобно хватали в плен... В три часа по полудни французы, колонною приближаясь к Молоховским воротам, стремились в город, однако Коновницын отогнал...

Август, 5. В три часа утра началась перестрелка. В седьмом часу, отслужив литургию, пошел к Королевской крепости исповедовать и приобщать раненых. Пришел домой, нашел домашних в смертном страхе; ибо с восточной и южной сторон неслись пули, ядра и бомбы чиненные... Опасаясь быть в доме с детьми, пошли в церковь, где нашел прихожан... сам пред образом Спасителя стал петь «молебное пение в нашествие неприятелей». Едва кончил, как влетела в церковное окно бомба и лопнула; черепьями побила стекла и стены, а духом поломала крылосы, меня же силою толкнуло в алтарь... После сего распрошавшись с прихожанами, взял детей, хотел выйти из города, но удерживаемый престарелой матерью и советом прихожан, недоумевал. Решил пойти в собор, и там молясь, взяв решение... Оставя мать и детей в соборе, поспешил в свою церковь, где, собрав церковные вещи и сняв оклады с местных икон, спрятал под церковную крышею, вернулся в собор, но с большой опасностью: не было шага, чтобы мимо, подобно как на крепости, не пролетела пуля или не стукнуло в стену ядро. После захода солнца от чиненных бомб и ядер первые загорелись крыши на Никольской и Евстафьевской башнях, затем загорелся дом Анны Повало-Швейковской, и от него другие по Молоховской улице до гимназии... На Блонье горело шесть корпусов... дом вице-губернаторский, в нем лежало до двухсот наших раненых солдат, коих однако спасли. Всего горело 32 дома. В то же время погорело половина «Рачевки»... Войска переходили по деревянному Днепровскому мосту о трех срубах, оставя за собою стрелков в Заднепровском предместьи удерживать врагов, которые уже стали пытаться перебраться Днепр повыше «Шеинога острога».

Август, 6. Чуть свет казак, прискакав в собор, объявлял: кто хочет уходить, бежал бы; мост зажигают! В шесть часов утра французы вошли в город. Часть переправилась в брод и по живому мосту, тогда наведенному через Днепр... В полдень прибыл сам Наполеон, остановился на Блонье, в доме гражданского гу-

Подвиг батареи полковника Никитина в сражении под Красным. 1854 г.
М. О. Микешин

Кирасир на коне.
XIX в. Г.Ж. Тома. Франция.
Бронзовая скульптура, установленная на мраморной подставке

бернатора. Его гвардия расположилась на Блонье, под березовыми аллеями; архивные бумаги служили постелью, а невывезенные карты губернские и уездные — занавесью от знойного солнца. Зять Наполеона, Неаполитанский король Иоахим Мюрат стал в архиерейском двухэтажном каменном доме. Слуги его, отбив двери Предтеченской церкви, стали грабить ризницу. Архимандрит Иосиф пригнал ко мне за помощью. Я, консисторские Воронков, Залесский, прибежав, стали отнимать архиерейские облачения, уже ободранные; схоронив миро, антимины и вместе собрав рассыпанные медные деньги пятакими в 73 мешках, перенесли в кладовую Успенского собора... Пробился к самому Неаполитанскому королю через польского переводчика; зная говорить по-латыни, успел упротить не трогать собора и церквей, и дать «военную залогу» от мародеров. Благодарение Богу! Успел; караул приставили. Французы захватили до 50 горожан, убежавших из города, заперли в Одигитриевской церкви... Прочих продержали недолго, распустили. Неаполитанский король первый вошел в собор со свитой и собаками; все в шляпах и киверах. Солдаты их, взобравшись на колокольню соборную, чудясь величине колоколов, от 500 до 1000 пуд, потешаясь, безобразно в оные звонили, как бы в набат. От распространившегося по городу пожара была такая жара, что часть садов погибла.

Август, 7. Стоявшего постоем французского генерала повар зажег деревянную избу купца Любимого... и такой сделался пожар, что сгорело семь дворов купеческих и каменных лавок... По неимению печеного хлеба жители питались яблоками и овощами, на кои был сильный урожай, а также от французских боен.

Август, 8. Неаполитанский король и вице-король Римский вышли с армией из Смоленска. Вместо сгоревшего Днепровского моста, неприятели, пониже старого, поставили высокий, узкий деревянный мост...

Август, 10. В Донщине, у Казанской церкви, сгорело до двадцати дворов. Мародерами отломаны в погребе, что под Предтеченскою архиерейскою церковью, железные двери и вырыты из земли оклад от воротного образа Одигитрии, трое серебряных литых царских дверей... и множество других драгоценных вещей...

Август, 12. Выехал Наполеон из города, за ним и гвардия...

Август, 13. Велено жителям выдти из собора и разойтись по домам, где однако у них пограблено спасенное имущество и обобран хлеб.

Август, 15. Учрежден градоправительственный Комитет или Муниципалитет из восьми приневоленных членов... В соборе, для престольного праздника Успения Богородицы, отправлены «часы», французы дивились стройности колокольного трезвона соборных пономарей.

Август, 20. С Костею (сыном) ходил на кирпичные заводы, за Молоховскими воротами, к нашим раненым: носили воду и ово-

щи. Продолжали до Успеньева дня... Артиллеристы с фурами в шесть лошадей подъезжали к собору, Троицкому монастырю и Одигитрии с намерением снять колокола. Не пустил; за что повели меня в муниципалитет...

Август, 25. В Казанском приходе от французских хлебопеков выгорело пять дворов. Месяц пшеничную муку пресною, в прачешных ночвах; печей растопленных не закрывают, не зная обращаться с заслонками и вьюшками. Набив печь полную дровами и не открыв как следует трубы, угорают от дыма, или сжигают дома. Французы народа не обижают, зато поляки и баварцы бьют и грабят жителей...

Сентябрь, 7. ...Французы празднуют занятие Москвы, которое приключилось 2-го числа сего месяца. Господи, помилуй!

Сентябрь, 10. Тишина и редкие пожары. Жителям города комендантом раздавались охранные билеты, которые прибывались к воротам домов, чтобы мародеры не трогали, особенно проходящие команды. Мародеры более грабили хлеб. Булка, смешанного с отрубями хлеба в 15 фунтов стоила от двух рублей с полтиною и до четырех. Могилевские жиды подвозили провизию, а крестьяне, нуждаемые комиссарами — под страхом взыскания. Продавали хлеб за пять копеек за фунт; фунт говядины до 12 копеек, чарку водки небольшую 25 копеек. Такая дешевизна была недолго. По ночам стали полки проходить чрез Смоленск: начало обратного шествия неприятелей... Хлеб редок и дорог, едим картофель и всякую зелень. Французы дают серебро за кусок пшеничного хлеба: ржаного не терпят. Грабя двory и забирая вещи, потом бросают, где попало. Только дорогое и легкое забирают.

Октябрь, 2. Умер соборный священник, Василий Щировский. С вedomо архимандрита о. Иосифа... вручены мне ключи от собора. Тогда я упротил начальство вывести из собора французский караул. Солдаты, располагаясь на амвоне, что посреди, тут и спали, пищу варили на чугунном полу у западных дверей. Часового поставили снаружи.

Октябрь, 12. Позван французами в Спаскую церковь, где содержались под стражею разные пленные русские, в числе их отставной полковник Павел Иванович Энгельгардт. На него показали, что он убивал французских мародеров. Приговоренного к расстрелянию я исповедал, приобщил святых тайн и проводил на место. За Молоховскими воротами направо, во рву его расстреляли и зарыли, дозволив отслужить по нем панихиду.

Октябрь, 19. Военный смоленский губернатор Жомини вознамерился занять собор под хлебный магазин в 30 000 кулей; требовал ключи чрез муниципалитет.

Октябрь, 20. Не пустили меня в собор... ходили к военному губернатору просить: не трогать собор. Он объяснил, что на это воля Наполеона. Однако до поры не занимал. Примечалось намерение не доброе. По секрету хватили народ и посылали делать подкопы под некоторые городские башни...

Октябрь, 25. Кригс-комиссар Сиов, интендант Виллебранш, боясь Наполеона, что собор не занят, советовали смягчить его почетною встречей наличными духовными...

Октябрь, 27. Утром пришли о. Поликарп и о. Яков, чтобы идти встречать Наполеона. Зайдя в собор, взяв ризы, крест, пошли к Днепровским воротам, где городское начальство ожидало. Часовые у ворот за ними приглядывали. Прогрогув на холоде, с разрешения, мы разошлись...

Октябрь, 28. Идя к больному мещанину Ив. Короткову, что у Днепровских ворот... с черстою просвирую, нечаянно возле Троицкого моста попавшийся мне губернатор Жюмини сказал по-латыни: «Вот Наполеон идет!» Я, не зная его, посторонился, но Наполеон у меня спросил: «роре?», я ответил: «Так». И когда он ближе подошел, я, в недоумении и страхе, вынул просвиру, которую он велел взять одному генералу. Всего этого никто не видел. За Наполеоном тащилась под гору карета четвернею в ряд; с переду и заду ея были привязаны снопы ржаные. Сам был одет в серый фризый сюртук, в собольей шапке с синим бархатным воротом с кистью. Генералы тоже во фризых сюртуках; все они шли пешком. Наполеон остановился на Блонье в доме губернаторском, к себе никого не пускал. Холода стали чувствительные. Денно и ночью шли обратно неприятельские полки...

Октябрь, 30. Не давая ограбить свою церковь и сложное имущество прихожан, поляками жестоко избит. Навел на грабеж полковник Костенецкий, что был у Павла Иванова Энгельгардта судьей.

Ноябрь, 1. К Смоленску подступили наши казаки на Покровской горе... У французов смятение.

Ноябрь, 2. Показалась русская армия там же. Наполеон вышел с гвардею к городу Красному.

Ноябрь, 3. Отряды французские спешно выходят из города, оставя гарнизон малый в Авраамиевском монастыре. Поляками город в разных местах зажжен.

Ноябрь, 4. Окончательно французы вышли, оставя много больных и раненых. Выходя, захватили несколько дворян арестованных, но скоро бросили. Раненые зажгли каменный архиерейский дом... Поляки уходя, по домам рассыпали порох со вставленными свечками, и таким путем выявляли последнюю злобу. В моем доме так же поступлено, но успели предупредить домашние. Около полуночи начались взрывы башен...

Ноябрь, 5. Майор 20-го егерского полка Горихвостов занял в 7-м часу город. Запершийся в Авраамиевском монастыре отряд 400 французов с 3-мя пушками чрез Никольские ворота ушел. После неприятеля оказался: монастырь полуразоренным, семинарская библиотека выброшеною во двор... Под это утро сгорел магистрат с архивом и всеми смоленскими привилегиями, дарованными городу великими князьями, королями и императорами: их забыл сбегать градский глава Верзин...

Ноябрь, 6. ...Горихвостов у восьми башен успел отнять фитили к пороху; вынул из подкопов до 15 бочек пороху.

Ноябрь, 7. ...За кусок хлеба французы взаимно дрались и даже убивали друг друга; скитались по городу оборванные, холодные и голодные.

Ноябрь, 8. ...Стало появляться городское духовенство к приходам.

Ноябрь, 10. Возвратил воротную икону Богоматери командир 1-й батарейной роты г. Вельяминов: встретили крестным ходом и поставили в теплом соборе, на прежнем месте... По маленьку вводится порядок. Велено на улицах жечь костры навозу от заразы. В колодцах попадаются мертвые тела, от чего водворился кровавый понос.

Ноябрь, 17. Стали очищать город от мертвых французов, чрез арестантов. Таскали всех в Днепр, часто и полуживых, иные стограла в домах».

После освобождения Смоленска заслуги Мурзакевича не были оценены по достоинству. Причиной тому стала его случайная встреча с Наполеоном 28 октября 1812 года. Когда пришли русские войска, Никифор Андрианович был обвинен в измене и предан суду Синода. Ввиду того, что ему вменялась государственная измена, в мае 1813 года дело было передано гражданским властям. В постановлении Смоленской уголовной палаты сказано: «... Он, Мурзакевич, во время нашествия... неприятеля, находился при раненых российских офицерах и солдатах с повешенною на шею его иконою Божией Матери, и в то же самое время, при разгромах неприятелем архиерейского дома и ризницы, оную избавил от грабежа, оставил все в целости. При изгнании неприятеля из Смоленска, когда вознамеривались и Одигитриевскую церковь так же разграбить и снять колокола, не допустил и до оного, за что был бит, дран за волосы и бороду».

В итоге, в июле 1814 года, по указанию Синода Мурзакевич был оправдан, но получил прежнее место только в 1818 году. Зато был награжден за свои подвиги в 1812 году скуфьей, а также наперсным бронзовым крестом на Владимирской ленте. В преклонные годы первый историк Смоленска посвящал все свое время чтению книг.

Умер Н. А. Мурзакевич 8 марта 1834 года в возрасте 65 лет, был похоронен на кладбище за алтарем Одигитриевской церкви.

В фондах Смоленского музея-заповедника хранятся некоторые рукописи Никифора Андриановича Мурзакевича, а также книга его сына Иоанна Мурзакевича «Жизнеописание священника Никифора Андриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска», составленная в 1856 году и изданная к 100-летию юбилею войны 1812 года.

Подлинные дневниковые записи Никифора Мурзакевича о событиях 1812 года безвозвратно утеряны.